

УДК 902.03

Воротынцев Л. В.¹

**ЛЕСОСТЕПНОЕ ПОГРАНИЧЬЕ ДНЕПРО-ДОНСКОГО РЕГИОНА
В XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.:**

ОТ «КОНТАКТНОЙ ЗОНЫ» К «ТЕРРИТОРИИ СТРАХА»

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина.

Vorotyntsev L.V.

**THE FOREST-STEPPE BORDER OF THE DNIEPER-DON REGION
IN XV – FIRST HALF XVI CENTURY:**

FROM THE "CONTACT ZONE" TO THE "TERRITORY of FEAR"

Yelets state University

Реферат: В статье рассматриваются вопросы развития пограничных районов лесостепной зоны Днепро-Донского междуречья в эпоху распада Золотой Орды и возникновения позднедзючидских государств (Крымского ханства и Большой Орды). На основе анализа письменных и археологических источников автор приходит к выводу о существовании на вышеуказанных территориях т.н. «контактной зоны», возникшей еще в до монгольский период и получившей наиболее широкое распространение в эпоху расцвета Улуса Дзючи (первая половина XIV в.). Данный период характеризовался интенсивными экономическими, политическими и этно-культурными контактами между земледельческим и кочевым населением региона. С конца XIV по конец XV века., в связи с обострением военно-политической ситуации в Степи, пограничные территории переживают экономический и демографический кризис, сопровождавшийся усиленной милитаризацией лесостепного пограничья. В это время происходит изменение статуса приграничных районов, позволяющих обозначить их как «территорию страха».

Ключевые слова: Лесостепное пограничье, Золотая Орда, Крымское ханство, «контактная зона», «территория страха».

Abstract: The article deals with the development of the border areas of forest-steppe zone of the Dnieper-don interfluve in the era of the collapse of the Golden Horde and the emergence of postnagruzki States (the Crimean khanate and the Great

¹ Воротынцев Леонид Вячеславович – аспирант Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина.

Horde). Based on the analysis of written and archaeological sources, the author comes to the conclusion about the existence of the so-called "contact zone" on the above-mentioned territories, which appeared in the pre-Mongolian period and became the most widespread in the heyday of Ulus Jochi (the first half of the XIV century). This period was characterized by intensive economic, political and ethno-cultural contacts between the agricultural and nomadic population of the region. From the end of XIV to the end of the XV century, in connection with the aggravation of the military-political situation in the Steppe border of the territory are experiencing economic and demographic crisis, accompanied by increased militarization.

Keywords: *forest-Steppe frontier, the Golden Horde, the Crimean khanate, a "contact zone", "territory of fear".*

Включение ряда пограничных территорий Руси в состав ордынских улусов во второй половине XIII в. привело к увеличению контактов древнерусского населения с кочевниками Великой степи, проживавших в непосредственной близости от районов освоенных оседлыми земледельцами, а в ряде случаев и на одних и тех же территориях (Курское Посеймье, земли упраздненного монголами Переяславского княжества, Южная Киевщина, Среднее Подонье).

Подобное соседство не могло не породить самых разнообразных форм взаимодействия и взаимного влияния этносов и этнических групп, имеющих различные хозяйственные уклады. По оценке американского историка О. Латтимора граница между государствами и этническими общностями – это не линия раздела, а зона, вокруг которой люди, идеи и организации взаимодействуют в обоих направлениях [19, 20].

Вопреки мнению В.Л. Егорова и А.В. Чернецова, выдвинувших тезис о тотальном запустении терри-

тории лесостепного пограничья, произошедшем в результате монгольского нашествия и позднейших карательных набегов [4, с. 73; 18, с.15], достаточно быстро происходит возобновление процесса освоения пограничных регионов русским населением. Археологические данные позволяют говорить даже о расширении хозяйственной деятельности русского населения Рязанских земель в лесостепном Подонье во второй половине XIII в. [17, с. 123]

В регионе Верхнего и Среднего Подонья во второй половине XIII–первой половине XIV в. отмечается увеличение числа древнерусских поселений почти в два раза [16, с. 21, 35] и почти пять раз – в нижнем течении Быстрой Сосны. Плотно осваиваются новые территории в верховьях р. Воронеж и Матыра [15, с. 262].

После монгольского нашествия южные, степные районы Курской земли входят в состав улусов Золотой Орды (улусы Картана и Мауци). По мнению ряда украинских исследователей, география зо-

лотоордынских древностей четко свидетельствует об этнической экспансии и хозяйственном освоении ордынскими кочевниками водоразделов рек Сулы, Хорола, Псла и Ворсклы [14, с. 53-54, 63].

Показательным является тот факт, что в среднем течении Северского Донца и Ворсклы (в районе современных Полтавы и Бельска) в золотоордынский период наблюдается сосуществование двух вариантов материальной культуры оседлого населения. Один из них представлен собственно золотоордынскими поселениями, другой – памятниками с «древнерусской» керамикой, которые продолжали местную культурную традицию, существовавших на этой территории с домонгольского времени [8, с. 467].

Включение территории ликвидированного монголами Переяславского княжества в состав Орды, в целом не повлияло на структуру расселения древнерусского оседлого населения на землях в междуречье Трубежа и Сулы. Практически все населенные пункты в бассейне Сулы, возникшие в домонгольское время, продолжают свое существование и в ордынскую эпоху. Подтверждением данному тезису служат как свидетельства письменных источников (записки Платона Карпини, «Список русских городов дальних и ближних», ярлыки золотоордынских ханов), так и результаты археологических изысканий, проведенные в последние десятилетия украинскими учеными [14, с. 6].

Регион Среднего Поднепровья (Киевская земля) понес серьезные демографические потери как во время Батыева нашествия, так и на рубеже XIII-XIV вв. во время междоусобной войны в Орде между Тохтой и Ногаем. Однако сама структура расселения на землях бывшего Великого Княжества не претерпела в ордынскую эпоху коренных изменений. На основании комплексных исследований В.О. Довженка, изучившего ряд древнерусских городищ и селищ на берегах Среднего Днепра, можно сделать уверенный вывод о том, что большинство поселений было быстро восстановлено и продолжило свое существование вплоть до конца XIV – начала XV в. [3, с. 76-82]

Литовские административные документы XV-XVI вв. фиксируют присутствие значительного тюркского элемента в родословных шляхетских фамилий, имевших владения в землях южной Киевщины. Так, татарские корни имели шляхетские роды Чемерисов (Казанских), Татариных-Михновых, Бокевичей-Щуковских (от тюрк. «бокей» - «герой», «силач»), Бурдюковых и др. Данный факт свидетельствует о достаточно плотном заселении южно-киевских земель знатными выходцами из Орды в более раннее время [6, с. 31].

Таким образом, можно достаточно уверенно говорить о возникновении т.н. «контактной зоны», окончательно сформировавшейся в ордынский период в лесостепных

районах южнорусских княжеств (вторая половина XIII – первая половина XIV в.).

По определению В.А. Арутюновой-Фиданян, «контактная зона» это не просто территория, на которой проживают, не смешиваясь, этносы и их культурные системы, не анклав с автономным развитием, а органичная и жизнеспособная структура со своими законами и своеобразием культурного облика [1, с. 380].

На наш взгляд, **контактной зоной** может считаться территория, на которой в течение продолжительного времени (жизни нескольких поколений), происходило интенсивное политическое, экономическое и культурное взаимодействие двух и более народов.

Современный украинский исследователь В.В. Колода определяет всю лесостепную полосу Днепровско-Донского междуречья, как зону интенсивных этнокультурных и экономических контактов на всем протяжении эпохи освоения этих земель славянским земледельческим населением (середина VIII– середина XIV в.), включая ордынский период [7, с. 178-198]. В конце XIV– первой половине XV в. на лесостепном пограничье ВКЛ и ВКМ появляется ряд владений т.н. «служилых татар». К ним относятся владения Мансура-Кията (предка князей Глинских), Яголдаева тьма, а также земли «служилых царевичей» на московской службе – Бердедата Кудаитовича, Якуба и Касыма Махметовичей.

В конце XIV-XV вв. на территориях русско-ордынского пограничья происходят кардинальные изменения в структурах расселения и демографической ситуации. В результате участвовавших татарских и литовских набегов, а также нашествий Тамерлана и Едигея происходит постепенное запустение практически всех лесостепных регионов Подонья и Поднепровья. В третьей четверти XIV в. разоряются территории по р. Дон, в нижнем течении Быстрой Сосны. В первой половине XV в. в запустение приходят земли по р. Воронеж [16, с. 38]. На землях Днепровского Левобережья к концу XV в. происходит сокращение численности населенных пунктов в 5 раз. Тогда же отмечается запустение южных, лесостепных районов Правобережья Днепра [14, с. 73, 79].

Особенно катастрофичными для оседлого населения вышеуказанных регионов являлись набеги крымских татар в конце XV в., имевших своей целью набор «ясыря» для невольничьих рынков Причерноморья. Чудовищные последствия этих нашествий для русского населения Южной Руси отмечены не только в литовских, но и московских и северорусских письменных источниках. Так, по сообщению Никоновской летописи: «сентября 1 (1482 г. – Л. В.), по слову великого князя Ивана Васильевича всея Руси придет Менгли-Гирей, царь Крымский с Перекопский Орда, со всей силою своею на королеву державу и град Киев взя и огнем сожже,...а оного

полону бесчисленно взя; и землю Киевскую учиниша пусту» [10, с. 215]. Псковский летописец добавляет: «а люди сущая в нем (Киеве – В. Л.) и по всем волостям мужи и жены и дети множество пленивше сведоша в Орду, и от Киева защед плени русских порубежных городов 11 и много зла створиши, отъидеше» [13, с. 63]. Вторичное освоение лесостепных областей русским населением начинается только в конце XVI в.

В тоже время следует отметить, что на протяжении практически всего XV в. в лесостепных регионах продолжала вестись и достаточно оживленная торговля с Большой Ордой и Крымом. Так, через Донской регион проходили по меньшей мере, пять стратегических магистралей. К их числу относятся Муравский шлях, Бакаев шлях, Пахнутцева дорога, Кальмиусская сакма и Изюмская сакма, которые связывали Крымские торговые центры Перекоп и Бахчисарай с Тульскими и Рязанскими землями, Курским Посеймьем, Серпуховым и Москвой.

Русский летописный источник дает подробное описание прибытия в московские земли огромного купеческо-посольского каравана из Большой Орды в 1476 г.: «Того же лета [6982 (1476) года – В. Л.] месяца иуля 7 пришел из Орды Микифоръ Басенков с послом царевымъ Ахмутом блшиа орды с Кара Кучумом, а с ним множество татаръ пословых было 6 сот, коих кормили, а гости с коньми и со иным товаром было 3 тысячи и двести, а ко-

ней продажных было с ними боле 40 тысяч, и иного товару много...» [11, с. 302].

Главную опасность для жителей лесостепного пограничья в конце XV– начале XVI в. представляли набеги т.н. «ордынских казаков» и эмиров Большой Орды. В 1492 г. загон «ордынских казаков», напавших на Алексинскую волость Вошану при отступлении был достигнут и разбит отрядами воевод Ф. Колтовского и Г. Сидорова «промеж Трудов и Быстрой Сосны» [12, с. 224-225; 9, л. 129 об.].

В 1501 г. хан Большой Орды Шейх-Ахмет совершил крупный набег на Северские земли, завершившийся взятием Рыльска и Новгород-Северского, а также разорением окрестностей Стародуба и Брянска [2, с. 115].

После разгрома Большой Орды (1502 г.) и разрыва московско-крымского союза, произошедшего после смерти Ивана III (1505 г.), начинается период затяжных пограничных войн Российского государства с Крымским ханством. Первое, неудачное для крымчаков нападение на районы Белева, Одоева, Козельска и Калуги произошло в июле 1507 г. Войско Зеньсяит-мурзы было разбито на р. Оке объединенной ратью русских воевод (И. Холмского, К. Ушатого, В. Одоевского, И. Воротынского и А. Сиригина) [2, с. 120].

В 1512 г. (с мая по октябрь) татарские отряды, возглавляемые сыновьями хана Менгли-Гирея – Ахмет-Гиреем и Бурнаш-Гиреем, че-

тырежды обрушивались на пограничные регионы Московского государства (Заочье, Северщина, Рязанские земли) с различным успехом. По некоторым оценкам только из Северских земель было угнано «болше 50 тысяч мужиков и женок» [5, с. 412]. Серьезные демографические потери понесли Рязанщина и уезды Белева, Одоева, Воротынска и Алексина [2, с. 124].

Важную роль в обороне т.н. «Северской украины» в этот период играли вотчинные армии северских князей – Василия Ивановича Шемячича и Василия Семеновича Стародубского, отразившие нападения крымско-литовских войск в 1514 и 1515 г. Характерно, что в 1515 г. вместе с татарами действовали отряды киевского воеводы Андрея Немировича и черкасского старосты Ефстафия Дашкевича.

Летом 1517 г. большое крымское войско напало на Тульские места, однако, разошедшиеся для ловли «ясыря» татарские загоны были разгромлены полками Василия Одоевского и Ивана Воротынского, а также отрядами местных ополченцев – «пеших людей украинских», которые «дороги засекали и многих татар побии». Неудачей закончился и набег на Северские земли, совершенный крымчаками в ноябре того же года [2, с. 132].

После катастрофического прорыва в центральные районы Московского государства объединенных сил Крымского и Казанского ханств в 1521 г. русским правительством

было принято решение об организации сторожевых застав, а также строительства укреплений по линии будущей Большой засечной черты [2, с. 157-159]. Успеху в укреплении лесостепного «украины» в значительной мере поспособствовали ногайско-крымская война (1523 г.) и польско-литовская военная компания 1524 г. в Причерноморье, завершившаяся взятием Очакова [2, с. 159-161]. Эти неудачные для Гиреев военные компании, привели к временному параличу военной активности Крымского ханства в отношении соседних государств (России, ВКЛ, Молдавского княжества, Польши).

Принятые московским правительством меры доказали свою эффективность во время крупного набега орды Ислам-Гирея в 1527 г. Крымчаки были отбиты на Оке и в ходе преследования понесли большие потери. По итогам военной компании в Москве был казнен (утоплен в реке) крымский посол Чабык-мурза [2, с. 163-164]. Неудачей закончились нападения крымцев на бельские и рязанские «украины» в 1536 г., а также на тульские и одоевские места в 1537 г.

Успешное отражение большого похода Сагиб-Гирея, остановленного в 1541 г. на берегу Оки, ознаменовало закрепление новой линии обороны Русского государства на Юге. Новый рубеж проходил по черте: Козельск – Одоев – Крапивна – Тула – Зарайск – Переяславль-Рязанский – Пронск, обозначив закрепление за Москвой территорий,

бывших ранее предметом политических претензий династии Гиреев.

На основании приведенных фактов, можно сделать вывод о кардинальных изменениях в жизни лесостепных районов южнорусского пограничья, произошедших вследствие изменений политической ситуации в Азовско-Черноморском регионе. Распад Улуса Джучи во второй половине XIV – первой трети XV в. привел к резкому увеличению военной напряженности на южных границах Московского и Рязанского княжеств, а также ВКЛ. Непрерывающиеся боевые действия способствовали уходу земледельческого населения из пограничных со Степью южнорусских регионов, что в свою очередь привело к демографическому и хозяйственному кризису этих территорий. Уничтожение Большой Орды и разрыв союзнических отношений Москвы и Бахчиса-

рая в начале XVI в. потребовали от Московского государства и ВКЛ выработки новой оборонительной стратегии на степном пограничье, завершившиеся формированием укрепленных рубежей обороны и превращении практически всей лесостепной полосы Днепровско-Донского междуречья в сплошной «укрепрайон», основной функцией населения которого стала военная служба.

Таким образом, период интенсивных и в основном мирных контактов земледельческого и кочевого населения пограничных регионов во второй половине XIII – первой половине XIV в., сменяется периодом военного противостояния во второй половине XIV – первой половине XVI в. «Контактная зона» превращается в «Территорию страха».

Список литературы

1. Арутюнова-Фиданян В.А. Византия и Армения в X-XII вв.: зона контакта // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. М., 2001. С. 380-395.
2. Волков В.А. Ратные подвиги Древней Руси. М., 2010. 656 с.
3. Довженок В.О. Среднее Поднепровье после татаро-монгольского нашествия // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 76-82.
4. Егоров В.Л. Владения Золотой Орды в районе бассейна Верхнего Дона // Липецк: начало истории. Липецк: Ориус, 1996. С.71-78.
5. Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилев А.Г., Щеглова О.А. Очерки истории Курского края с древнейших времен до XVII в. Курск, 2008. 622 с.
6. Кондратьев И.В. Любеч как один из центров военной организации Чернигово-Северщины в XIII-XVII вв. // Город средневековья и раннего нового времени II (V). Археология. История. Материалы V Всероссийского семинара. Тула, 2016. С. 31-45.

7. Колода В.В. Картографирование средневековых городищ Днепро-Донского междуречья как метод определения этапов славяно-кочевнических отношений // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 9. 2010. С. 184-203.
8. Кравченко Э.Е. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном // Stratum. Генуэзская Газария и Золотая Орда / Под ред. С. Г. Бочарова и А.Г. Ситдикова. Казань-Симферополь-Кишинев, 2015. С. 411-478.
9. Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 92. № 2.
10. Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т. 12. Никоновская летопись. СПб., 1901. 266 с.
11. ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М., 1949. 464 с.
12. ПСРЛ. Т. 8. 312 с.
13. Псковские летописи. Вып. 2. 368 с.
14. Супруненко О.Б., Приймак В.В., Мироненко К.М. Старожитності золотоординського часу Дніпровського лісостепоного Лівобережжя. Київ-Полтава, 2004. 82 с.
15. Тропин Н. А. Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII-XV вв. Елец, 2006. 274 с.
16. Тропин Н.А. Южные территории Чернигово-Рязанского пограничья в XII-XV вв. Автореф. дисс...на соискание ученой степени кандидата ист. наук. М., 2007. 39 с.
17. Цыбин М.В. Древнерусско-половецкое пограничье второй половины XII–XIV вв. в Подонье // Археология и история Юго-востока Древней Руси. Материалы научной конференции. Воронеж, 1993. С. 112-124.
18. Чернецов А.В. К проблеме оценки исторического значения монголо-татарского нашествия как хронологического рубежа // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003. С. 18-34.
19. Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. 1940; Boston, 1962.
20. Latimor O. Studies in Frontier History. Collected Papers 1928-1958. London, 1962.

References

1. Arutyunova-Fidanyan V.A. Vizantiya i Armeniya v X-XII vv.: zona kontakta // Vizantiya mezhdz Zapadom i Vostokom. Opyt istoricheskoy harakteristiki. M., 2001. S. 380-395.
2. Volkov V.A. Ratnye podvigi Drevnej Rusi. M., 2010. 656 s.

3. Dovzhenok V.O. Srednee Podneprov'e posle tataro-mongol'skogo nashestviya // Drevnyaya Rus' i slavyane. M., 1978. S. 76-82.
4. Egorov V.L. Vladeniya Zolotoj Ordy v rajone bassejna Verhnego Dona // Lipeck: nachalo istorii. Lipeck: Orius, 1996. S.71-78.
5. Zorin A.V., Starodubcev G.YU., SHpilev A.G., SHCHeglova O.A. Ocherki istorii Kurskogo kraja s drevnejshih vremen do XVII v. Kursk, 2008. 622 s.
6. Kondrat'ev I.V. Lyubech kak odin iz centrov voennoj organizacii CHernigovo-Severshchiny v XIII-XVII vv. // Gorod srednevekov'ya i rannego novogo vremeni II (V). Arheologiya. Istoriya. Materialy V Vserossijskogo seminara. Tula, 2016. S. 31-45.
7. Koloda V.V. Kartografirovanie srednevekovyh gorodishch Dnepro-Donskogo mezhdurech'ya kak metod opredeleniya ehtapov slavyano-kochevnicheskikh otnoshenij //Drevnosti. Har'kovskij istoriko-arheologicheskij ezhegodnik. Vyp. 9. 2010. S. 184-203.
8. Kravchenko EH.E. Pamyatniki zolotoordynskogo vremeni v stepyah mezhdu Dneprom i Donom // Stratum. Genuehzskaya Gazariya i Zolotaya Orda /Pod. red. S. G. Bocharova i A.G. Sitdikova. Kazan'-Simferopol'-Kishinev, 2015. S. 411-478.
9. Rossijskaya gosudarstvennaya biblioteka. Otdel rukopisej. F. 92. № 2.
10. Polnoe sobranie russkikh letopisej (dalee PSRL). T. 12. Nikonovskaya letopis'. SPb., 1901. 266 s.
11. PSRL. T. XXV. Moskovskij letopisnyj svod konca XV v. M., 1949. 464 s.
12. PSRL. T. 8. 312 s.
13. Pskovskie letopisi. Vyp. 2. 368 s.
14. Suprunenko O.B., Prijmak V.V., Mironenko K.M. Starozhitnosti zolotoordinskogo chasu Dniprovs'kogo lisostepovogo Livoberezhzhya. Kiiv-Poltava, 2004. 82 s.
15. Tropin N. A. YUzhnye territorii CHernigovo-Ryazanskogo porubezh'ya v XII-XV vv. Elec, 2006. 274 s.
16. Tropin N.A. YUzhnye territorii CHernigovo-Ryazanskogo pogranich'ya v XII-XV vv. Avtoref. diss...na soiskanie uchenoj stepeni kandidata ist. nauk. M., 2007. 39 s.
17. Cybin M.V. Drevnerussko-poloveckoe pogranich'e vtoroj poloviny XII–XIV vv. v Podon'e //Arheologiya i istoriya YUgo-vostoka Drevnej Rusi. Materialy nauchnoj konferencii. Voronezh, 1993. S. 112-124.
18. CHernecov A.V. K probleme ocenki istoricheskogo znacheniya mongolo-tatarskogo nashestviya kak hronologicheskogo rubezha // Rus' v XIII veke: Drevnosti temnogo vremeni. M., 2003. S. 18-34.
19. Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. 1940; Boston, 1962.

20. Latimor O. Studies in Frontier History. Collected Papers 1928-1958. London, 1962.